

Шедшая рядом служанка держала поднос, на котором стоял кувшин с императорским вином.

Щёки Цзян Хань порозовели, явно от вина, но в её осанке не было и намёка на опьянение. Её пронизательные фениксовы глаза быстро просканировали толпу, почти мгновенно выхватив из неё Гу Шэн, после чего она едва заметно кивнула ей.

Гу Шэн не успела ответить на приветствие, как Цзян Хань уже повернулась и, не глядя по сторонам, с бокалом в руках почтительно направилась к императрице.

То, что Цзян Хань специально пришла в боковой зал, чтобы поднять тост, вызвало у Гу Шэн румянец на щеках, и она смущённо опустила голову.

Вскоре за пределами зала раздался громкий голос:

— Девятое высочество прибыло!

Гу Шэн машинально повернула голову к дверям, но, странно, Цзян Чэньюэ не появлялась.

Спустя несколько мгновений несколько служанок поспешно переступили порог, растерянно протягивая руки, словно собираясь кого-то поддержать.

Раздался звук хлопка, и рука внезапно протянулась из-за двери, резко ударившись о дверную раму.

Затем фигура в одеянии того же цвета, что и у Цзян Хань, пошатываясь, ввалилась в зал, и служанки, протянувшие руки, подхватили её...

«Цзян Чэньюэ?!»

— Ваше высочество! — Гу Шэн мгновенно вскочила на ноги, лицо её выражало тревогу, и она инстинктивно хотела броситься вперёд, но Цзян Юйшань схватила её за руку, едва не допустив непристойного поступка.

Гу Шэн забеспокоилась до дрожи. Цзян Чэньюэ ещё не достигла совершеннолетия, и ей полагалось пить молоко или чай, а не напиваться до такого состояния.

«Кто дал этой малолетке вина?»

«До чего же она напилась! Зачем ей приходиться сюда, чтобы поднять тост?!»

Цзян Хань в это время стояла прямо перед столом императрицы, серьёзно что-то говоря. Гу Шэн, окружённая шумом голосов, вся была сосредоточена на фигуре, шатающейся у входа.

Видимо, от опьянения Цзян Чэньюэ была в восторге. Её глаза, подобные цвету персика, сверкали, и, войдя в зал, она подняла руку, опустила подбородок и высокомерно посмотрела на растерянную служанку, заявив:

— Я могу идти сама.

Затем она резко повернулась, и её светло-золотистые глаза устремились на спину второго принца вдалеке. Она пошатываясь направилась к нему.

— Ваше высочество... — несколько служанок, стоявших рядом, нервно обливались потом, протягивая руки, чтобы предотвратить падение девятого высочества.

Служанки, вошедшие следом, несли фонари и, войдя в зал, начали двигаться вдоль колонн от самого края двери.

Гу Шэн не могла напрямую подойти к девятой принцессе, поэтому встала, намереваясь пройти по узкой дорожке и догнать служанок с фонарями, чтобы узнать о состоянии Цзян Чэньюэ.

Цзян Юйшань, заметив это, слегка улыбнулась и сказала:

— Смотри, как ты переживаешь! Ты беспокоишься о А-цзю?

Гу Шэн, краем глаза наблюдая за девятой принцессой, которая то шла боком, то прямо, едва не сведя брови в узел, с легким упрёком ответила:

— Да, сестра, посмотри, сколько вина выпила девятая принцесса? Мне нужно спросить!

Цзян Юйшань, услышав это, прикрыла рот рукой, смеясь, и, держа Гу Шэн за запястье, сказала:

— Садись, что могут знать эти служанки? Не волнуйся, А-цзю с детства не переносит алкоголь, но обожает подражать второй сестре, поэтому на каждом банкете пьёт то же вино, что и она. Ей говорят, что пить можно только когда вырастет, но она хочет доказать, что уже взрослая, и каждый раз, выпивая пару бокалов, оказывается в таком состоянии.

«...»

Гу Шэн молча вернулась на своё место, наблюдая, как девятая принцесса, преодолевая трудности, дошла до второго принца, действительно не попросив ничьей помощи.

Императрица с любовью говорила с Цзян Хань, но в душе ненавидела эту вторую принцессу.

То, что Цзян Хань настаивала перед императором на наказании Се Яньфэя, уже было передано императрице через придворных.

Поскольку Цзян Хань уже покинула дворец и открыла собственное поместье, императрица не могла напрямую на неё воздействовать и вымещала злость на её мать, наложницу Чжуан.

Наложница Чжуан втайне перенесла немало страданий, не понимая, почему императрица вдруг начала преследовать её, нелюбимую наложницу. Она могла только плакать и жаловаться дочери, когда та посещала дворец.

Цзян Хань, естественно, догадалась, что императрица направляет свои стрелы на неё. Она не осмелилась сказать матери, что сама навлекла на неё гнев императрицы, и не могла смотреть, как мать страдает из-за неё. Сегодня она воспользовалась случаем, чтобы специально поднять тост перед императрицей, вложив в свои слова скрытый смысл, сказав многое, что звучало как просьба, но на самом деле было угрозой.

Императрица, слушая это, всё больше раздражалась, но она родила только одного сына, шестого принца, и во дворце могла полагаться только на благосклонность императора.

Несколько лет назад император специально организовал выбор жениха в столице, чтобы шестой принц стал единственным, кого не отправили на политический брак. Это уже было величайшей милостью, но императрица всё ещё не осмеливалась открыто противостоять этому императорскому аристократу.

Если император Цию отречётся от престола, и второе высочество взойдёт на трон, императрица и наложница Чжуан, хотя и получат титул вдовствующей императрицы, для Цзян Хань станут не более чем рыбой на разделочной доске.

Поэтому, кроме молитв о том, чтобы император Цию прожил дольше неё, она должна была оставить место для каждого императорского аристократа, чтобы оставить себе путь к отступлению.

Несколько лет назад среди министров поднялась волна поддержки наследника престола.

Сторонники первого принца и второй принцессы были примерно равны по численности, и император Цию, видя, как их некогда дружные отношения постепенно ухудшались, был глубоко опечален этим и в итоге решил последовать примеру предыдущих династий —

Не назначать наследника, а оставить указ о престолонаследии.

Завещание было помещено на самую высокую табличку в Зале Высшей Гармонии, под строгой охраной, и, помимо китайского текста, существовали версии на других языках, держащиеся в секрете, чтобы министры больше не могли спорить и подавать петиции по поводу наследника.

Из четырёх императорских аристократов наиболее вероятными кандидатами на престол были первый принц и вторая принцесса.

Хотя позже появился сверхранг, девятая принцесса была ещё слишком молода, и, учитывая её нечистую кровь, министры всё ещё делились на сторонников князя Чэньяня и князя Сюаня.

Изначально императрица не поддерживала ни одну из сторон, чтобы не вызвать недовольства императора Цию, и просто старалась угодить девятой принцессе.

Ведь девятая принцесса была сверхранговым аристократом, и, кто бы ни стал императором в будущем, сверхранг был защищён законами, установленными предками, и никто не осмеливался недооценивать его.

Но теперь, когда вторая принцесса открыто бросила ей вызов, императрица не могла просто сидеть сложа руки. Даже если она не присоединится к сторонникам первого принца, она обязательно найдёт способ разрушить будущее Цзян Хань.

— ...Я надеюсь, что вы и первый принц будете усердно учиться, чтобы облегчить заботы вашего отца, — императрица произнесла ряд вежливых слов.

Цзян Хань уловила в словах императрицы отстранённость и намёк на прощание, поэтому лишь поклонилась и ответила:

— Ваш слуга приложит все усилия, чтобы оправдать надежды матушки.

Императрица слегка кивнула, как вдруг заметила знакомую фигуру, шатающуюся и проходящую мимо Цзян Хань, которая, подражая её тону, пьяным голосом повторила:

— Оправдать... надежды матушки... мне немного тяжело...

— Девятое высочество?! — Императрица испуганно взглянула и тут же приказала служанкам подойти и поддержать её.

Несколько человек бросились вперёд, усадив девятую принцессу рядом с императрицей,

которая сама прижала маленькую аристократку к себе, с жалостью сказав:

— Опять пила вино? Кто сегодня обслуживал ваше высочество? Есть здесь кто-нибудь? Все, до единого, после банкета получите по тридцать ударов палкой!

Служанки тут же упали на колени, смиренно принимая наказание.

За занавесом в левой части зала сидела мать девятого высочества — драгоценная наложница Ю, всего в пяти шагах от императрицы.

Драгоценная наложница Ю, едва заметив фигуру своего ребёнка, приказала поднять занавес и издали увидела, как Цзян Чэньюэ шатаясь приближается...

Если бы вокруг никого не было, драгоценная наложница Ю уже встала бы и схватила девятую принцессу за ухо, чтобы отвести во Дворец Юнхэ и отшлепать.

Но она прибыла в династию Ся для политического брака уже более десяти лет назад и давно привыкла к строгим дворцовым правилам, поэтому не осмеливалась вести себя неподобающе на банкете и сделала вид, что ничего не видит.

Цзян Хань, увидев, что императрица больше не обращает на неё внимания, просто кивнула и попрощалась, направившись в сторону Гу Шэн.

Гу Шэн всё это время наблюдала за девятой принцессой и, увидев, что императрица сама даёт ей протрезвляющий чай, наконец успокоилась. Её взгляд случайно упал на драгоценную наложницу Ю, сидящую за занавесом, и она сразу же загорелась интересом.

Когда драгоценная наложница Ю только прибыла для политического брака, она часто вела себя «недостаточно почтительно», но, будучи потомком Римской империи, она сильно отличалась по привычкам от людей династии Ся, и император не мог строго наказывать её, лишь старался минимизировать её появления, предоставляя ей определённую свободу.

Даже на банкетах драгоценная наложница Ю чаще всего ужинала одна в боковом зале или за ширмой в углу, «изолированно» от остальных.

Теперь, когда занавес был поднят, Гу Шэн впервые увидела эту иностранную принцессу, прибывшую для политического брака.

<http://bllate.org/book/16655/1526601>